

Ю. СЕДИНИНА-БАРКОВСКАЯ
ПРОБЛЕМА КСЕНОФОБИИ В РОМАНЕ Г. Л. ОЛДИ «ГАРПИЯ»

Ксенофобия (термин происходит от древнегреч. *ξένος* «чужой» и *φόβος* «страх») — нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как непонятого, непостижимого, а потому опасного и враждебного. Ксенофобия, наверное, существует почти столько же, сколько само человечество, однако в последнее время, на фоне обострения экономических и социальных проблем в обществе, она стала, как нам кажется, одной из наиболее острых проблем современности.

Не удивительно, что данная проблематика заинтересовала и таких нетривиальных и неравнодушных авторов, как Д. Громов и О. Ладыженский (псевдоним — Г. Л. Олди). Интерес указанных авторов, признанных мастеров современной фантастики, обладателей титула «Лучший писатель-фантаст Европы-2006», лауреатов многих литературных премий, к античности не случаен, чрезвычайно удачные аллюзии и реминисценции античной мифологии можно встретить в большинстве их произведений, а романы «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта» и вовсе написаны на античном мифологическом материале. Таким образом, Д. Громов и О. Ладыженский являются не только признанными мастерами литературы, для которых фантастическая форма произведений уже давно стала скорее авторским методом и которые традиционно поднимают в своих книгах важные и сложные вопросы, но и талантливыми популяризаторами античности.

Не стал исключением и цикл Громова и Ладыженского, который мы условно назвали «ретийским» по вымышленному государству, в котором разворачивается действие. В данный цикл входят три романа: «Шмагия», «Приют героев» и «Гарпия», а также цикл рассказов «Архивы Надзора Семерых», написанные с 2002 по 2008 гг.

Пожалуй, правильнее было бы определить этот цикл как «магический», поскольку авторы пробуют свои силы в, в общем-то, несвойственном для них жанре — т. н. «чистой фэнтези» с множеством характерных для указанного жанра атрибутов: средневековым антуражем, безраздельным господством магии (правда, данному явлению авторы придали весьма академический характер, определив магию как Высокую Науку и создав соответствующую иерархическую лестницу, на нижней ступени которой находятся студенты Универмага (естественно, Университета Магии), а на одной из верхних — м. в. к. — маги высшей квалификации)... Но главное: избранная авторами концепция дает возможность в полной мере представить вниманию читателя весь спектр удивительных существ, созданных как народной, так и авторской фантазией. На страницах книг сосуществуют китоврасы и псоглавцы, василиски и гарпии, сатиры и минотавры, алконосты и леониды... Нет сомнения, что введение в ткань повествования именно таких существ представляется особенно выигрышным для раскры-

тия проблемы ксенофобии, поскольку они являются подчеркнуто отличными от людей, значительно более чуждыми, чем те, кто отличается только цветом кожи или разрезом глаз, ведь именно на внешнем, на том, что сразу бросается в глаза и не нуждается в дополнительных характеристиках, внимание всегда сосредоточено в первую очередь. Особое место рассмотрению указанной проблемы Громов и Ладыженский уделяют в третьем и, по нашему мнению, самом удачном романе цикла — романе «Гарпия».

Любопытным нам кажется тот факт, что именно наличие во внешности указанных существ человеческих черт является в Реттии законодательно регламентированным определением их правового статуса. Этот статус, например, с древности обеспечивает подобным существам достойное погребение и налагает запрет на изготовление из них чучел, которыми так любит украшать свой кабинет ректор Универмага:

«Разум здесь не служил мерилom. Фениксы тоже разумны. Определяющим фактором, как ни странно, работала внешность. Если в существе присутствовал элемент человеческого, проявленный в должной мере — мертвого китовраса, русалку или, скажем, псоглавца следовало хоронить в земле, или сжигать на костре, или иным образом выполнять традиционный для покойника обряд погребения» [Олди: 49—50].

Соответственно рассматриваемые существа носят в романе название «миксантропы» (от древнегреч. *μίξις* «смешение» и *ἄνθρωπος* «человек») — термин, несомненно, известный специалистам, но также доступный для восприятия читателя благодаря узнаваемости корней. Следует отметить, что элементы древнегреческого языка вообще фигурируют в романе как принадлежность мертвых языков дочеловеческого мифологического субстрата, в том числе гарпий. Именно благодаря этому читателю разъясняется, например, этимология имени главной героини романа — «Келена», т. е. «Мрачная» (древнегреч. *Κελαινή*). Однако следует помнить, что данное имя, хотя и имеет древнегреческое происхождение, было заимствовано авторами из «Энеиды» Вергилия. Подобным же образом читателю объясняется и название резервации, куда гарпии были вытеснены людьми в соответствии с древнегреческим мифом, изложенным, к примеру, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (II, 296—297) — «Строфады», или «Острова возвращения» (от древнегреч. *στρέφω* — «поворачивать», «возвращаться»).

В свою очередь, элементы латинского языка фигурируют в романе как принадлежащие языку старореттийскому. И, в противоположность официальному «миксантропы», на бытовом уровне фигурирует термин «хобестии» (от лат. *homo* «человек» и *bestia* «животное», «зверь»), который, конечно, ни в коем случае не является даже грубым подобием кальки. Авторы создают термин сознательно, акцентируя внимание читателя на неприятии миксантропических существ широкими кругами обывателей, поскольку слово «бестия» в русском языке имеет негативный оттенок.

Употребление термина «хомобестия» является подчеркнуто уничижительным. Например, авторы вкладывают в уста старшего городской стражи, считающего: «Реттия — для людей, что бы ни талдычили законы», — реплику: «Знай, хомобестия, свое место» [Олди: 55]. Именно использование указанного термина заставит доцента Маттиаса Кручека достаточно резко одернуть одного из студентов-первокурсников, пытавшегося задеть Келену, потребовав политкорректности:

«— А правда, что у хомобестий...

— У миксантропов. Здесь я хочу слышать этот термин. Запомнили?

— Да, мастер» [Олди: 113].

Кстати, авторы вводят в ткань повествования еще один греко-латинский термин, на этот раз по отношению к капитану королевской лейб-стражи Рудольфу Штернбладу, отважному воину и горячему защитнику прав миксантропов, от имени которого авторы провозглашают декларацию толерантности, политкорректности и равенства прав:

«С упорством маниака Штернблад день за днем, год за годом пробивал давнюю идею: в лейб-страже обязан служить хотя бы один миксантроп.

Если мы признаем за миксантропами, говорил капитан — слово “хомобестия” он терпеть не мог, — право считаться подданными короны, мы должны признать за ними и право охранять носителя этой короны. Иначе мы вслух декларируем необходимость мирно жить бок о бок, а на деле прячем нож за спиной.

“Но стоит ли начинать с лейб-стражи?” — спрашивали его.

Начинать, отвечал маленький капитан, надо там, где всем видно» [Олди: 65].

Данная позиция капитана далеко не всегда находит позитивный отклик у окружающих:

«Штернблада не понимали и даже звали бестьефилом, но шопотом, озираясь по сторонам. Оскорбить Неистового Руди в полный голос — не самый приятный способ самоубийства» [Олди: 65].

Справедливости ради заметим, что термин «бестьефил» изначально образован некорректно, происходит смешение латинского и греческого корней (древнегреч. *φιλέω* «любить»). Нетрудно догадаться, что правильным является термин «зоофил» (древнегреч. *ζῷον* «животное»), реально существующий в языке и обозначающий психическое и сексуальное отклонение, который, с одной стороны, мог бы вызвать у читателя абсолютно неуместные ассоциации, а с другой — мог бы быть расценен как особо неприятное оскорбление.

Именно капитан Штернблад добьется патента на службу в лейб-страже для псоглавца Доминго. Следует отметить, что легенды о существовании людей с собачьими головами (кинокефалов) восходят еще к античным источникам. Так, Геродот упоминает песьеглазцев в числе существ, населяющих Ливию к западу от реки Тритон (История. IV, 191). Также о существовании кинокефалов упоминают Ктесий, Авл Геллий, Плиний Старший.

Профессор Виргинского университета Д. Г. Уайт в своей работе «Мифы о человекособаке» полагает, что подобного рода существа в мифах и легендах населяют «задворки» обитаемого мира, которые современной цивилизацией принято называть «странами третьего мира», и их облик и дикость нравов призваны подчеркнуть более низкую ступень их культурного развития, недостаточную цивилизованность [White: 4—5]. В то же время на создание образа воина Доминго, вероятно, оказали влияние такие персонажи, как песьеголовый славянский богатырь Полкан, заимствованный былинным творчеством из переводной повести о Бове-королевиче [Лосев: 287], и святой Христофор, традиционно (особенно в православной иконографической традиции) изображаемый Кинокефалом. С последним героя Громова и Ладыженского особенно роднит тот факт, что, по некоторым источникам, святой Христофор некоторое время нес воинскую службу в одной из императорских когорт. Указание на хирургические операции, которым Доминго подвергся с целью получения возможности связной речи в течение длительного времени («обычно псоглавцы ограничивались краткими, рублеными фразами — их пасть была не слишком приспособлена для долгих монологов» [Олди: 58]), также соотносится с одним из чудес, отмечающих проповедническую деятельность святого Христофора: ангел прикасается к устам Христофора, и он, не знавший дотоле греческого языка, проповедует жителям Ликии на этом языке [Мифы народов мира: 604].

Особенно важную роль в рассмотрении указанной проблемы играет главная героиня романа — гарпия Келена. Античные мифологические источники предоставляют нам довольно скудные сведения о гарпиях, возможно, по предположению Р. Грейвса, из боязни навлечь их гнев [Грейвс: 441]. Следует отметить, что усиление восприятия чудовищного компонента миксантропических существ, увеличение негативизма по отношению к ним можно проследить уже в античности. Хотя само происхождение названия «гарпия» указывает на довольно настороженное отношение греков (древнегреч. *ἀρπάζω* «хватать», «похищать»), и в «Одиссее» Телемах следующим образом характеризует исчезновение отца и полное отсутствие достоверной информации о нем:

Ныне же Гарпии взяли его и безвестно пропал он.

Гомер. Одиссея. I, 237. —

Перевод В. Жуковского,

однако в наиболее древних источниках на первый план выходит отнюдь не хищнический, а стихийный аспект указанного мифологического образа, олицетворяющего, вероятно, вихрь или бурю. Так, детьми бога западного ветра Зефира и гарпии Подарги в «Илиаде» названы чудесные кони Ахилла, бессмертные и быстрые, как ветер:

... подвел под ярмо Ахиллесовых коней,

Ксанфа и Балия, быстрых, летающих с ветрами вместе.

Гарпия оных Подарга родила от Зефира ветра,
 Им посещенная в пастве, при бурных струях Океана.
Гомер. Илиада. XVI, 148—151. —
Перевод Н. Гнедича.

В поэме Гесиода «Теогония» упоминаются только две гарпии, которые выступают в функции божества ветра и не сопровождаются никакими негативными характеристиками:

Дочь Океана глубокотекущего, деву Электру
 Взял себе в жены Тевмант. Родила она мужу Ириду
 Быструю и Аэлло с Окипетую, Гарпий кудрявых.
 Как дуновение ветра, как птицы на крыльях проворных
 Носятся Гарпии эти, паря высоко над землею.
Гесиод. Теогония. 265—269. —
Перевод В. Вересаева.

В ранних источниках мы не находим упоминаний об античеловеческой вредительской деятельности гарпий. Кстати, согласно Гесиоду и древнегреческому изобразительному искусству (в качестве примера, можно привести фрагмент росписи протоаттической вазы первой половины VII в. до н. э., хранящийся в Государственных музеях Берлина; роспись чернофигурного килика середины VI в. до н. э. из Музея виллы Джулия в Риме; роспись античной вазы из Британского музея) гарпии заимствуют у птиц только один компонент — крылья, в целом же имеют весьма привлекательную внешность (этот же облик сохранен Д. Громовым и О. Ладыженским у Келены во время путешествия по психономам — мирам человеческих душ).

В «Аргонавтике», — поэме, относящейся к эпохе эллинизма, — гарпии уже причиняют вред фракийскому царю Финею, похищая или заражая зловоньем его пищу, однако совершают это по воле Зевса в наказание за несвоевременные прорицания, и именно «псами великого Зевса» (Аполлоний Родосский. Аргонавтика. II, 289) назовет Гарпий Ирида, запрещая их убийство сыновьям Борея Зету и Калаису.

Свой окончательный миксантропический облик и чудовищное содержание гарпии приобретают уже в римской поэзии, к примеру, в «Энеиде» Вергилия:

Нет чудовищ гнусней, чем они, и более страшной
 Язвы, проклятья богов, из вод не рождалось Стигийских.
 Птицы с девичьим лицом, крючковые пальцы на лапах;
 Все оскверняют они изверженьями мерзкими чрева,
 Щеки их бледны всегда от голода.
Вергилий. Энеида. IV, 214—218. —
Перевод С. Ошерова.

Следует отметить, что спутники Энея сами провоцируют гнев гарпий, убив коров и устроившись пировать на их острове, а затем поднимают оружие против «мерзких пернатых морских» (IV, 241). Поэтому правомерно

полны обиды и негодования обращенные к ним упреки гарпии-пророчицы Келено:

Даже за битых быков и за телок зарезанных в сечу
Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чем, из отчего царства.
Вергилий. Энеида. IV, 247—249. —
Перевод С. Ошерова.

Подобная мотивация, только гораздо более масштабная, ляжет в романе в основу кровопролитных войн людей против гарпий, закончившихся выселением последних в резервацию на Строфадские острова:

«Плотийские войны числились по разряду мелких, локальных войнишек. В учебниках это зовется движением народов. Безземельный сброд волной двигался на юго-восток, захватывая плодородные края Тифея. Распахивались долины, вырубались леса; в горах, дырами в головке сыра, возникали штольни. Это не слишком радовало коренных обитателей — фавнов, стокимов, гарпий. Но их мнение никого не интересовало, а восстания подавлялись с исключительной жестокостью» [Олди: 82].

Как мы видим, экономическая компонента мотивации возникновения ксенофобии признается уже древними авторами, однако в современной литературе она бесспорно выступает в роли одного из решающих факторов.

Война закончится поражением гарпий, а через восемнадцать лет после заключения Тифейского договора сойдет с ума и умрет получивший дворянство за военные «заслуги» полководец этой войны, королевский маршал в резервации на Сторфадах, Джошуа Горгауз, Джош Кровопийца. Его внучка будет вспоминать:

«Он сошел с ума, мы жили в Тренте, дед давно уехал из Строфадской резервации. Тем не менее... Ему всюду мерещились гарпии. Дома, на улице. Они якобы съедали его пищу. Гадили ему в тарелку. Распространяли зловоние. Три года он жил в аду, населенном гарпиями-призраками. “Они жрут мое! — кричал дед. — Я голоден! Я умираю от голода!” И умер от обжорства. Все время ел, утверждая, что гарпии отбирают продукты...» [Олди: 191].

В мифе гарпии похищают и оскверняют еду у царя Финея, ослепленного по воле богов (Аполлодор. Мифологическая библиотека. I, 9, 21). Джош Кровопийца, которому подобное наказание мерещится, слеп внутренне — он не может отказаться от войны, не понимает и не принимает сущность гарпий — он сам обрекает себя на эту пытку.

Особенно показательным в негативном восприятии гарпий людьми является упоминаемый в романе древний т. н. «гороскоп Прессикаэля», в котором люди распределены по типам, названным в соответствии с видами миксантропов. Следует отметить, что указанный гороскоп в целом акцентирует внимание на отрицательных качествах миксантропов, чем вызывает настороженное недоверие более толерантных современных магов-исследователей:

«Гарпия... Символ мести. Человеку-гарпии трудно дается прощение. Годами он носится со своим недовольством и завистью. Радость ему приносят несчастья врагов» [Олди: 225].

Мы уже ссылались на функцию мстителей у гарпий, причем мстителей по воле самого Зевса, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. Данную ипостась тератоморфных существ как носителей божественного возмездия можно отметить в античной мифологии как достаточно регулярную (древнегреч. *téras* одновременно обозначает и «небесный знак, знамение», и «чудо», и «чудовище»). Еще более активно эта функция будет воспринята и развита римлянами (лат. *monstrum* также обозначает не только «чудовище», но и «знамение, предзнаменование» (*monstra ac portenta* у Цицерона [Дворецкий: 493]) и восходит к глаголу *monere* «напоминать, увещевать, предвещать, карать»). Поэтому гарпии в римской мифологии в некоторой степени отождествляются с фуриями, богинями мести и угрызений совести, наказывающими человека за совершенные грехи. Так, гарпия Келено у Вергилия назовет себя «величайшей из фурий» (Энеида. III, 252.) Также Вергилий, как мы указывали ранее, считает гарпий порождением подземной реки Стикс и, кроме Строфадских островов, помещает их и в подземном мире, «в преддверье сумрачном Орка»:

Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...
Вергилий. Энеида. VI, 289. —
Перевод С. Ошерова.

Следует отметить, что Д. Громов и О. Ладыженский, следуя уже сложившейся в их творчестве традиции, стараются вернуть образам тератоморфных мифологических существ их древнейшее, лишённое негативного восприятия наполнение. Авторы сохраняют тесную связь Келены с ветром, вихрем, бурей — стихийный аспект сущности гарпий:

«В небе, будто в кипящем котле, кружила гарпия. Целая и невредимая, Келена сделалась доценту частью бури. Естественный фрагмент мозаики... Он где-то читал, что гарпии способны зачать от ветров, рождая крылатых коней. Сказки, конечно. Но Кручек был готов поверить сказкам. <...> Она хочет бури. Она наслаждается бурей. Она — плоть от плоти бури» [Олди: 180—181].

В то же время Д. Громов и О. Ладыженский с гениальной парадоксальностью лишают гарпий способности дольше одного дня сохранять эмоциональные переживания, соответственно те утрачивают всякую потребность мести. Авторы создают удивительный контраст между традиционными, сформированными обывательскими суевериями, ожиданиями людей, подкрепленными проецированием собственных чувств и действий в случае незаслуженной обиды, и удивительным спокойствием, полной невозможностью этим ожиданиям соответствовать со стороны гарпий. Данное несходство порождает то непонимание, влекущее за собой страх и ненависть, которые

являются характерными проявлениями ксенофобии, причем на подобных чувствах ловят себя не только представители т. н. «простого народа», но и столь высокообразованный и достаточно либеральный человек, как ректор Универмага, причем цепочка эмоциональных реакций всегда наблюдается одна и та же:

«Спокойствие гарпии приводило ректора в трепет. Трепеща, он начинал бояться; боясь — приближался к ненависти...» [Олди: 189].

В то же время утрата гарпиями в романе фуриозной ипостаси позволяет авторам с неизменным тонким чувством юмора прибегать к своего рода литературной игре, придавая указанные черты представителям человеческой расы, как, например, в описании переполоха, вызванного пролетом Келены над городским рынком:

«Прыткий мальчуган лет десяти, опомнившись первым, уже тащил фрукты с прилавков и запихивал себе за пазуху. К нему, желая сопляку уйму болячек, кинулись три грозные фурии. Любитель дармовщинки пустился наутек — жизнь возвращалась в обычное русло» [Олди: 130].

Взаимоотношения людей и миксантропов в романе складываются не просто, переживают взлеты и падения, однако поиск взаимопонимания героями романа не прекращается. Финал достаточно оптимистичен: профессор Горгауз, внучка Джоша Кровопийцы, находит в себе силы изгнать из души войну и ненависть к миксантропам, его величество подписывает указ о введении специальных квот в учебных заведениях, и в столице находят свое место перспективные студенты-миксантропы... Хочется верить, что и в реальной жизни люди все-таки, несмотря на их различия, научатся договариваться между собой, искать компромисс. И, возможно, кому-то из них в этом поможет роман Г. Л. Олди «Гарпия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Аполлодор. Л., 1972.
2. Аполлоний Родосский. Аргонавтика // Александрийская поэзия. М., 1972.
3. Вергилий. Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.
4. Геродот. История / Геродот. М., 1993.
5. Гесиод. Теогония // Эллинские поэты. М., 1963.
6. Гомер. Илиада / Гомер. М., 1993.
7. Гомер. Одиссея / Гомер. М., 1993.
8. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. М., 1992.
9. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М., 1996.
10. Лосев, А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев. М., 1957.
11. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. II. М., 1992.
13. Олди, Г. Л. Гарпия / Г. Л. Олди. М., 2008.
14. White, D. G. Myths of the dog-man / D. G. White. Chicago, 1991.